

ЭТНОЛОГИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 315–327
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 315–327
©Автор(ы) 2016

КОРЯКСКИЕ БУБНЫ: БЫТОВАНИЕ В ЭТНОЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Л.Н. Хаховская

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н.А. Шило ДВО РАН, Магадан,
hahovskaya@mail.ru*

Аннотация. В статье привлечено внимание к материальной составляющей духовных практик коряков. Автор применяет метод формального описания вещественных источников, а также антропологический метод, соотносящий событийную историю с культурными традициями этнолокального сообщества. Автор анализирует конструкцию 18 бубнов, бытовавших у коряков-оленьеводов Магаданской области. Данные артефакты показывают значительную вариативность по таким признакам, как размер и форма обечайки, форма и количество скоб, расположение и материал рукояти, набор привесов. Вариативность отражает известную автономность мира детства в сакральных представлениях коряков, гендерную и социальную градацию этнолокального сообщества. Автор впервые в историографии фиксирует наличие антропоморфных подвесок на бубнах, связывает их с ритуалами, относящимися к детям. Культурные традиции коряков предписывали циклический характер функционирования бубнов, устанавливали порядок их изготовления, бытования и вывода из обихода. «Правила» обращения с бубнами и их сакральная ценность среди коряков в XX веке подверглись сильной трансформации, именно поэтому исследователи и любители могут их приобрести. Отмечено выраженное угасание корякского шаманизма, в том числе практик камланий с бубном.

Ключевые слова: бубны, коряки, этнолокальное сообщество, Магаданская область, конструкция, вариативность, антропоморфные подвески, шаманизм, ритуалы

Введение. Корякские бубны в этнографическом сибиреведении представлены в различных аспектах. Е.Д. Прокофьева в фундаментальном исследовании опре-

Хаховская Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан. E-mail: hahovskaya@mail.ru

делила место корякских бубнов в их общей типологии¹. Ю.И. Шейкин предложил региональную классификацию бубнов, в том числе корякских, осветил их функции как музыкальных инструментов². Об использовании корякских бубнов как атрибутов шаманского культа и внешаманских ритуалов писали исследователи-североведы³. Вместе с тем материалы по конкретным корякским бубнам в литературе практически отсутствуют, вследствие чего длительное время существовало представление об условно-типичном инструменте с такими признаками: овальная форма, размер до 70 см (в продольном диаметре), узкая обечайка (5 см), приклеенная мембрана из оленьей кожи⁴. Много позже Шейкин написал, что корякские бубны имеют преимущественно круглую форму; кроме того, он уточнил диапазон их размерности по двум параметрам: диаметр (от 50 до 100 см) и высота обечайки (от 4 до 6 см)⁵. С.В. Иванов, классифицируя бубны по способу крепления рукояти на подвижные и неподвижные, отнес корякский инструмент к такой разновидности подвижных рукояток, у которых в центре размещено металлическое кольцо⁶. Поскольку ни один корякский бубен подобной конструкции неизвестен, данное положение Иванова, скорее всего, основано на недоразумении.

Мы располагаем сведениями по 18 бубнам⁷, которые бытовали у коряков Магаданской области и ныне еще используются ими. Данное этнолокальное сообщество представляет собой западную группу оленных коряков, которые прежде осваивали бассейн р. Парень, верхние притоки р. Омолон, левобережье р. Гижига. Эта группа культурно близка корякам Камчатки⁸. В настоящее время представители этой группы проживают в основном в с. Верхний Парень и пос. Эвенск Северо-Эвенского р-на Магаданской обл.

Наши сведения показывают значительную вариативность инструментов по таким признакам, как размер и форма обечайки, форма и количество скоб, расположение и материал рукояти, набор привесов. Сведения эти актуальны с точки зрения накопления данных о материальной составляющей корякской культуры, вещественном мире, без чего невозможно сравнительное изучение локальных этнических сообществ и обобщающие выводы. Не менее важно и другое – выявленная вариативность не только служит основанием типологизации артефактов в отвлеченной схеме «без человека», но и показывает живую культуру, в которой действуют люди. Ведь размерный диапазон бубнов, а иногда и морфологические особенности инструментов и их принадлежностей указывают на половозрастные и социальные позиции владельцев. Важны также обстоятельства, при которых они изготавливались, использовались и выводились из обихода.

Все это вместе взятое обусловило наш интерес к этой категории культурных артефактов. Источники, на которых строится данное исследование, – полевые материалы, полученные в Северо-Эвенском районе Магаданской области; изучение

¹ Левин, Потапов 1961, 442.

² Шейкин 2002, 72–76.

³ Беретти 1929; Горбачева 2004; Линденау 1983; Jochelson 1905.

⁴ Левин, Потапов 1961, 442.

⁵ Шейкин 2002, 74.

⁶ Иванов 1975, 217.

⁷ Сведения по 6 предметам предоставил Игорь Евгеньевич Воробей, за что автор выражает ему глубокую признательность.

⁸ Гурвич 1980, 113.

экспонатов в музеях и на руках у владельцев; привлечение архивных сведений и опубликованной литературы. В отношении бубнов как вещественных артефактов применен метод формального описания, а для выявления их функционирования в контексте этнической культуры – антропологический метод, соотносящий событийную историю с культурными традициями этнолокального сообщества.

Конструктивные особенности корякских бубнов. Корякский бубен – составной инструмент, состоящий из обечайки, мембраны, рукояти, скоб и привесов. Основой бубна является *обечайка*, или баран (по терминологии коряков северо-восточной части Камчатки⁹). Ее размер и конструкция определяют форму бубна. Обечайка сгибается в круг (рис. 1), слабо выраженный (рис. 2) или выраженный овал, в последнем случае прослеживается грушевидная (рис. 3) и яйцевидная (рис. 4) форма. Рассмотренные нами 18 экземпляров распадаются на три равные части: по 6 круглых, слабоовальных и овальных бубнов. Таким образом, тезис об овальной форме корякских бубнов не подтвердился, тогда как мнение Шейкина о преобладании круглой формы находит обоснование. Более того, можно судить о соотношении геометрии обечаек: если допустить, что слабоовальные бубны изначально мастерили как круглые, но они не имеют этой формы в силу разных причин (несовершенство технологии изготовления, последующая деформация), то соотношение круглых и овальных корякских бубнов выглядит как 2:1.

В поперечном сечении обечайка обычно линзовидная, односторонне-выпуклая с внешней стороны, редко двояковыпуклая; достаточно часто встречается подтрапециевидная форма с тремя гранями на выпуклой стороне. Концы обечайки клинообразно скошены и наложены друг на друга. Размерный диапазон корякских бубнов варьирует от 27,3 до 72 см (в продольном диаметре), так что разброс крайних параметров составляет почти 45 см. Высота обечайки составляет от 3 до 7,5 см. Эти данные идут вразрез с опубликованными сведениями¹⁰ и говорят о том, что устанавливать строгие границы размерного диапазона по меньшей мере преждевременно. Более существенным представляется выявление соотношения диаметра к высоте обечайки, которое для изученных нами корякских бубнов выдерживается достаточно строго (9:1 или 8:1).

Весьма важно, что удалось установить наличие детских бубнов (3 экземпляра из 18), которыми, согласно сведениям информантов и музейной документации, являются самые маленькие инструменты (см., например, рис. 1 (маленький бубен) и рис. 2). На маленькие бубны как на детские инструменты указывает и Елизавета Порфирьевна Орлова, работавшая среди коряков Камчатки в 1926–1927 гг.: «Размер бубна колеблется от 80 и даже 90 см до 25 (детский бубен)»¹¹. Переходную границу от детского бубна ко взрослому мы обозначаем как 40 см по продольному диаметру.

Размерная градация существовала и в мире взрослых: Шейкин установил, что у коряков-оленеводов мужские бубны были небольшого размера, а женские побольше¹². Эти сведения находят подтверждение в литературе: изображения корякских женщин с бубнами большого размера, явно превосходящими среднюю их

⁹ ГАРФ.Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 448. Л. 110.

¹⁰ Левин, Потапов 1961, 442; Шейкин 2002, 74.

¹¹ ГАРФ.Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 448. Л. 110.

¹² Шейкин 2002, 74.

Рис. 1. Бубны корякские. Владелица корячка Стекольщикова Н. А., уроженка с. Верхний Парень. В настоящее время переданы и хранятся в Магаданском областном краеведческом музее, инв. № КП-33424, 33425. Размер бубнов: большой 70х65х7,5 см; маленький 28х25х3,5 см. Фото автора

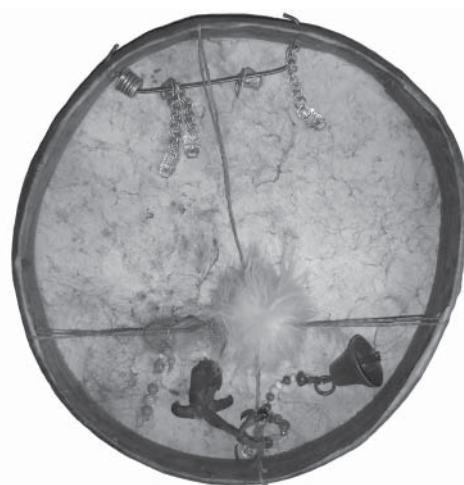

Рис. 2. Бубен корякский детский. Владелец коряк Иньлив Ю. В., с. Верхний Парень. Размер 38х36,5 см. Фото автора

Рис. 3. Бубен корякский. Владелец коряк Иньлив Ю.В., с. Верхний Парень (ранее принадлежал шаману Захару Тумухаю). Передан и хранится в музее пос. Эвенск, инв № 1996/1, этн-193/1. Размер 50х48х5,3 см. Фото И.Е. Воробья

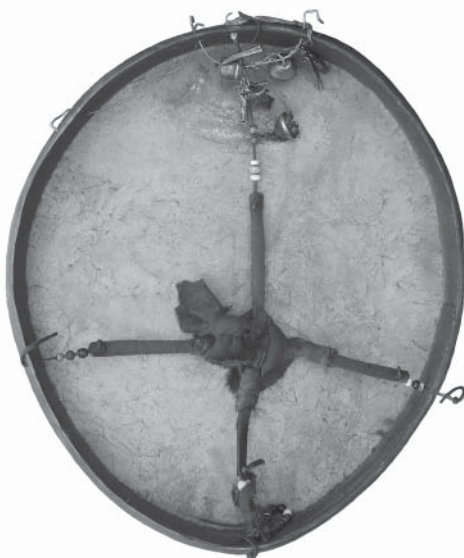

Рис. 4. Бубен корякский. Владелица корячка Итыкьева В. Я., оленеводческая бригада, Северо-Эвенский район (изготовил ее дядя, коряк Эткин). Размер 45,5х39 см. Фото И.Е. Воробья

Рис. 5. Корячка Пойтыле О.М. демонстрирует игру на бубне. 12.08.2011 г., с. Верхний Парень. Фото автора

величину (если принять за таковую диаметр ~60 см), встречаем у исследователей начала XX в.: это фотографии приморской корячки Килу-кены (Клюкенги) из селения Куэль, сделана в 1900 г.¹³, и шаманки из Гижигинского округа, сделана в 1915 г. В.К. Арсеньевым¹⁴. Во второй половине XX в. исследователи фиксируют корячек, играющих на бубнах большого размера: это фотографии В.В. Горбачевой (сделана в 1979 г. в селе Ачайваям КАО¹⁵); Д.С. Дугарова (сделана в с. Лесная Камчатского края¹⁶); М. Куребито (сделана не ранее 2001 г., в оленеводческой бригаде № 13, Северо-Эвенский район Магаданской области¹⁷); Э. Кастена (сделана в 2000 г. в селе Лесная КАО¹⁸) и наша (рис. 5).

Показательны разноразмерные бубны, бытовавшие в одной семье (рис. 1). По словам владелицы, изначально бубнов было семь, размер которых нарастал более или менее равномерно («как матрешки»), но сохранились лишь два, самый большой и самый маленький (информант Стекольщикова Надежда Александровна,

¹³ Jochelson 1905, pl. III.

¹⁴ Горбачева 2004, 65;

¹⁵ Горбачева 2004, 44.

¹⁶ Батянова, Тураев 2010, 353.

¹⁷ Аятгинина, Куребито 2006, 84.

¹⁸ Уркачан 2010, 149.

Рис. 6. Бубны, обечайка бубна и колотушка корячки Пойтыле О. М, с. Верхний Парень. Размер не установлен. Фото автора

на обечайку она приклеена, по сведениям информантов, с помощью рыбьего клея (вываренного из кожи рыб лососевых пород). Такая однородность материала мембраны связана с оленеводческой хозяйственной специализацией этой группы коряков, тогда как у береговых жителей на мембрану шли оболочки внутренних органов кита (см. ниже) и кожа собаки. О последнем говорят материалы дневника Дины Лазаревны Бродской, супруги и спутницы В.И. Иохельсона в Джебзуповской экспедиции, где она описывает корякский бубен, виденный в селении Куэль 04.10.1900 г.: «Бубен сделан из собачьей кожи, которая натянута на большой круглый деревянный ободок, с внутренней стороны на нем на проволоке висят жестяные погремушки, которые звенят, когда колотят в бубен»²⁰.

Рукоять всех бубнов (кроме одного) по конструкции крестообразная, размещена асимметрично: вертикальная часть протянута вдоль большого диаметра по центру, а горизонтальная (вдоль меньшего диаметра) – со смещением к нижнему краю. Имеется лишь один бубен с Х-образной рукоятью с перемычкой (рис. 1), но такое крепление образовалось в результате починки. В то же время собранные Иохельсоном экземпляры корякских бубнов имеют именно Х-образные рукояти с перемычками²¹, что резко отличается от наших данных. Связано это с тем, что Иохельсон, скорее всего, приобрел бубны береговых коряков, тогда как мы рассматриваем инструменты оленеводов. Возможно, разница в конструкции рукояти связана с манерой игры на бубне: Х-образное перекрестие с перемычкой, скорее всего, держали в горизонтальной плоскости, ударяя колотушкой снизу или, наоборот, ударяя краями обечайки по колотушке. Такое положение играющего можно видеть на корякской скульптуре начала XX века²². Бубен же с крестообразной рукоятью держат в субвертикальной плоскости под небольшим наклоном (рис. 5).

По материалу рукоять чаще всего однородная, то есть на всем протяжении состоит из одного и того же материала: нитей (синтетических, сухожильных, хлоп-

1966 г. р., корячка)¹⁹. Весьма вероятно, что бытующие сегодня среди коряков инструменты представляют собой не весь существовавший прежде их размерный массив, а лишь случайным образом уцелевшие экземпляры (рис. 6). Таким образом, множественность и размерная вариативность корякских бубнов связана с половозрастной градацией: она указывает на известную автономность детей в использовании этого инструмента и отражает гендерные особенности ритуальных практик коряков.

Мембрана всех изученных нами бубнов изготовлена из оленьей кожи,

¹⁹ ПМА 2010, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, пос. Эвенск.

²⁰ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 128. Л. 62об.

²¹ Фонд АМЭИ б/г; инв. №№ 70/3184А; 70/3826; 70/3827А; 70/3920.

²² Горбачева 2004, цветная вклейка, № 2332–1.

чатобумажных) или кожаных ремешков. В четырех случаях рукоять комбинированная, при этом на трех бубнах имеется выраженное перекрестие, выполненное из кожи (рис. 4) или металла, концы которого прикреплены к обечайке тонкими двойными и/или одинарными кожаными ремешками. Перекрестие рукояти обмотано мехом зайца, мотком ниток, куском кожи, овчины, ткани, ткани и кожи, есть и бубны без обмотки.

Скобы на бубне располагаются с внутренней стороны у верхнего края, как правило, симметрично по обе стороны от центральной оси. Выполнены они из железных прутьев или проволоки различного диаметра. Количество скоб варьирует от одной до четырех. Правда, наличное число скоб не всегда отражает изначальное их состояние: на многих бубнах скобы утрачены частично или полностью и заменены другими, обычно из более тонкой проволоки или даже нити. Скобы имеют вид рамки или дуги, при этом очень часто в средней части скоба выгнута дважды (рис. 3), что, по нашему мнению, указывает на ее изначальную парную симметричность.

Подвески на скобах обычно распределены равномерно, они представлены такими металлическими изделиями, как полые конусовидные подвески (изготовлены из листового металла, иногда вырезаны из консервных банок); цепочки различного плетения и размера; кольца, S-образные полоски, пластины, медальоны, детали замков и другие утилизированные мелкие железные предметы. Иногда к скобе подвешивали колокольчики (рис. 1 (малый бубен), рис. 4). Сила бубна, по Иохельсону, заключалась в производимом звуке, который связан со сверхъестественной сущностью этого предмета²³. Наличие железных шумовых подвесок на скобах, вероятно, имело целью усилить жизненную и сакральную силу бубна посредством усиления его «голоса».

Привесы. О привесах корякских бубнов Иохельсон (а вслед за ним Прокофьева) не пишет, и это неслучайно. На тех экземплярах, которые ему удалось приобрести, привесов нет (но на сделанной им фотографии коряка с бубном²⁴ заметны, по крайней мере, низки бусин). Скорее всего, отдавая исследователю бубны, коряки сняли с них все, кроме скоб и некоторых железных предметов на них. Это обстоятельство указывает на особый статус привесов – это были не просто украшения или шумовые предметы, а приношения, дары, которыми отмечалась положительная роль бубна в жизни семейства, поэтому их стремились сохранить. Среди изученных нами инструментов привесы отсутствуют на семи.

Локализация привесов на остальных говорит о том, что чаще всего они располагались в нижней части: их привязывали изнутри бубна к рукояти в месте ее соединения с обечайкой. Сюда же крепили ремешок, идущий к колотушке (рис. 3). Изредка привесы располагались у левого и верхнего края и никогда – у правого. Сама рукоять украшалась редко, в основном на нее нанизывали бусины. В качестве привесов выступают обычно колокольчики и низки бусин. Заслуживает внимание наличие на бубнах (в наиболее значимой нижней позиции) антропоморфных фигурок в виде литой медной подвески, мягкой объемной куколки (рис. 2) и плоской бисерной розетки²⁵. В данной статье нет возможности детально рассмо-

²³ Jochelson 1905, 54.

²⁴ Jochelson 1905, 54, pl. II, fig. 1.

²⁵ Хаховская 2013.

треть эти артефакты, отметим лишь, что они имеют отношение к миру детства: куколка располагается на детском инструменте и, по сведению владельца, именно этим обусловлено ее наличие (информант Инылив Юрий Викторович, 1981 г. р., коряк)²⁶; а розетка сама представляет маленького ребенка²⁷.

Изготовление и использование бубнов. Бубен начинался с изготовления обечайки, которая представляет собой как бы прообраз будущего инструмента, некоторое время находясь в стадии «предбубна». Согласно нашим полевым данным, обечайку вырезают из ольховника или из лиственницы весной, когда дерево влажное. Его рубят, срезают полосу, которую сгибают в обруч, связывают концы и возят все лето. Когда древесина как следует подсохнет, начинают подгонять обечайку под правильный круг или овал, выпрямляя неровности. Неровные участки древесины распаривают и вставляют в специальные засечки-пазы на «станке» – крупной поваленной лесине (информант Хардани Илья Иванович, эвен, 1953 г. р.)²⁸.

На подготовленную и просушенную обечайку (баран) натягивают мембрану: «... убивают оленя-годовика, снимают с него шкуру, парят ее над огнем, специально для этого разведенным, освобождаются от шерсти. Распаренную кожу натягивают на баран, затем ремнями, продетыми через края шкуры, три раза стягивают ее, чтобы плотно облегла баран – новый бубен, – и невысоко подвешивают над специально для того разведенным огнем – аршина на полтора-два от огня – и сушат бубен в течение трех часов. Баран предварительно смазывают рыбьим клеем, и поэтому кожа плотно пристает к нему во время натяжки, а во время просушки приклеивается так плотно, «что не оттащить». Когда кожа просохнет над огнем, то выступающие края кожи обрезаются около барана и получается законченный бубен»²⁹. В обечайке делают отверстия, прикрепляют скобы, рукоять, навешивают подвески.

Если же бубен пришел в негодность, его «раздевают» в обратном порядке: снимают и утилизируют подвески и скобы, они пригодятся для другого бубна или иных целей – например, скоба от бубна была использована в качестве ограничителя (нижней подвески) игольника из погребального женского набора³⁰. Удаляют рукоять и мембрану, и эти вещи также не пропадают: по словам корячек, изношенная мембрана бубна служила отличным материалом для шитья сумочек. Большие бубны ценились как раз потому, что из них получалось много кожи (информант Аткувыи Альбина Хотавынниновна, 1949 г. р., корячка)³¹.

Обечайку же утилизировать нельзя, поскольку она символизирует бубен в целом. Бубен живет ровно столько, сколько функционирует его основа, баран. Изорвавшуюся мембрану и рукоять можно заменить, потерянные привесы восполнить. Если же в негодность пришла обечайка, после «раздевания» бубна ее следует «отпустить в тундру». Эти сведения известны от информанта Хечая Сергея Эляковича (1950 г. р., коряк)³²; такие же данные сообщает Орлова: «Если бубен испортится, его увозят подальше от яйги (яранги – Л. Х.) в лес и вешают как

²⁶ ПМА 2011, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, с. Верхний Парень.

²⁷ Хаховская 2013.

²⁸ ПМА 2002, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, с. Гарманда.

²⁹ ГАРФ.Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 448. Л. 110.

³⁰ ПМА 2011, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, с. Верхний Парень.

³¹ Полевые материалы И.Е. Воробья 2014, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, пос. Эвенск.

³² Полевые материалы И.Е. Воробья 2014, Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н, пос. Эвенск.

можно выше на сучок березы. Ительмен Иван Петрович Данилов, житель селения Хайрюзово, рассказал мне, как он однажды при коряке хотел бросить отслуживший, треснувший, стертый «баран» в огонь. Коряк неистово закричал на него и велел немедленно повесить баран обратно на сучок. <...> На землю бросить треснувший бубен тоже нельзя – худо будет, и ниже на дерево вешать его тоже нельзя, чтобы другие, не зная этого, не наделали беды»³³.

Но все же «правила» обращения с бубнами и их сакральная ценность среди коряков, особенно береговых, уже в начале XX в. не были безусловными, именно поэтому собирателям удавалось приобрести их. В дневнике Бродской (запись от 5 ноября 1900 г.) содержатся сведения о том, как собирались бубны для коллекции: «Когда Ига (коряк селения Каменского – Л. Х.) <...> увидел браслет, он уже не захотел с ним расстаться, за браслет да за серьги он отдал старый отцовский бубен, который грех отдавать, как сказала его сестра Пакха; но браслет, а также то, что бубен будет там, где живет сам царь, взяли верх и Вл[адимир] Ил[ьич] получил бубен. Когда Аюнгаут это увидела, то за пуговицы отдала свой бубен»³⁴. Эти бубны и колотушки к ним сейчас хранятся в коллекции Американского музея естественной истории (АМЕИ) под инвентарными номерами 70/2880AB и 70/3184AB³⁵. Наши полевые данные также говорят об отступлении от предписанных норм: пришедшая в негодность (треснувшая) обечайка продолжает сохраняться (рис. 6).

Историографически игра в бубен связывается с шаманской практикой коряков, с ритуальными праздниками, а также с нерелигиозными событиями. Первые сведения о корякских шаманских камланиях с бубнами доставил В.В. Атласов (1697 г.): «На Пенжинской стороне живут коряки <...> имеют из своей братии шаманов, и что им надобно, о том и шаманят: бьют в бубны и кричат»³⁶. Прочная ассоциация шаманского действия и игры на бубне подтверждается многочисленными источниками – так шаманы лечили, гадали, предсказывали будущее.

Линденау сообщает о камланиях корякского шамана при похоронной кремации: «... шаман принимается скакать вокруг огня, ударяя в бубен»³⁷, – а также во время свадебного обряда и при рождении ребенка³⁸. Но подобные сведения в других источниках не обнаруживаются, поэтому приходится признать: либо эти случаи были единичными, либо традиция оказалась утраченной. Так, Иохельсон пишет, что оленные коряки били в бубен сразу после похоронной церемонии, а приморские спустя десять дней, но указаний на то, что это было шаманское действие, нет³⁹. Более того, участники Джезуповской экспедиции столкнулись с выраженным угасанием корякского шаманизма, в том числе практик камланий с бубном. Лишь несколько раз им удалось наблюдать камлания, да и те были специально организованы. Об этом пишет Бродская (запись от 23.12.1900 г., селение Каменское): «Вечером были в юрте Хагелена, где один олюторский коряк шаман шаманил для нас. Потушили огни, стало в юрте совсем темно. Только слабый свет луны пробивался через отверстие в потолке. Шаман долго колотил в бубен,

³³ ГАРФ.Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 448. Л. 111.

³⁴ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 129. Л. 3об.

³⁵ Фонд АМЕИ б/г.

³⁶ Сгибнев 2008, 11.

³⁷ Линденау 1983, 122.

³⁸ Линденау 1983, 120, 121; см. также Вдовин 1973, 206, 207.

³⁹ Jochelson 1905, 113.

подражал рычанию медведя...»⁴⁰. Позднее, весной 1901 г., в стойбище оленных коряков на р. Малая Чайбуха им довелось видеть камлание приехавшего туда чукотского шамана: «В воскресенье 22 апреля шаманил у нас шаман чукча (отец его был знаменитый шаман). Он кажется большим плутом. Сидел в углу палатки и колотил в бубен, издавая какое-то рычание»⁴¹.

Согласно ведениям Иохельсона, бубен у коряков почитался как хозяин полога, где и размещался. Беретти также указывает, что кочевые и береговые коряки держали бубен в пологе: «Под потолком натянуты ремни, на которых висит одежда и бубен»⁴². Кроме того, бубен почитался как охранитель семейства, и в этой своей последней ипостаси бубен приравнивался к священной огнивной доске, которая имела также функцию хозяина оленьего стада⁴³. Столь тесная связь бубна, жилища и семьи затмевала его роль как шаманской принадлежности: «Не все шаманы имеют свои собственные бубны. Большею частью они пользуются бубнами семейств, в которых шаманят <...> Перед приходом приглашенного шамана домашние греют перед очагом семейный бубен, чтобы кожа его натянулась и звук стал звучнее. Когда во время сеанса кожа бубна ослабевает, шаман, не переставая петь, бросает его, домашние подхватывают и снова греют его перед очагом»⁴⁴. В некоторых случаях оленеводы могли разочароваться в огнивном приборе как охранителе стада и выдвигали на эту роль бубен, что зафиксировано у коряков-тайгоносцев⁴⁵.

В историографии устоялось мнение о первичности и гораздо большей распространенности внешаманского бытования бубнов у коряков. Пользоваться бубном мог любой желающий; хотя в каждой семье имелись более искусные в игре люди, чаще всего женщины⁴⁶. Об этом свидетельствовал и практический опыт советских сотрудников, проводивших на Камчатке выборы в родовые советы (лагерные исполнительные комитеты) в середине 1920-х гг.: «В каждой юрте кочевника можно найти бубен или два как главную принадлежность культа, в который хозяин в свободное время бьёт»⁴⁷.

В число внешаманских ритуалов, на которых применялся бубен, входили церемонии береговых и оленных коряков: праздник кита; закрытие/открытие летнего входа в ярангу; августовский забой тонкошерстных оленей, весенний праздник рогов килвей, хождение с бубном вокруг яранги в день зимнего солнцестояния, церемония после добычи волка⁴⁸. Эти данные хорошо известны, поэтому мы остановимся лишь на некоторых интересных источниках.

Приведем два описания праздника кита, сделанных практически в одной местности, с интервалом в 25 лет. Вот что записала в своем дневнике Бродская (запись от 2 октября 1900 г., корякское селение Куэль): «Завтра коряки отправляют белуху, т.е. деревянное подобие дельфина бросают в море. У хозяина, кото-

⁴⁰ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 129. Л. 25об.

⁴¹ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 129. Л. 85.

⁴² Беретти 1929, 14.

⁴³ Jochelson 1905, 36.

⁴⁴ АИВР. Ф. 631. Оп. 1. Д. 11 Лл. 2, 3.

⁴⁵ Jochelson 1905, 123.

⁴⁶ Jochelson 1905, 55.

⁴⁷ Флёров 1973, 195.

⁴⁸ Беретти 1929; Горбачева 2004; Jochelson 1905.

рый поймал белуху, сегодня бьют в бубен и мы пойдем посмотреть»⁴⁹. Далее она описывает действия, происходившие в этот день в жилище: «Юрту освещали два светильника: на большой круглой сковородке горело много жиру и моху; в другой чашке поменьше горело то же самое. Порой Вилох (хозяин яранги – Л. Х.) бил в бубен и что-то пел, но за оглушительным грохотом большого бубна нельзя было разобрать человеческого голоса. Порой то же проделали Невелхут с сестрой, причем били в два бубна, при этом они очень кричали, т[ак] [что] слышался какой-то гортанный шипящий крик, выделялось: «ала-ла-хой», то же самое, что они пели, когда встречали белуху на берегу. Они приседали, кричали до хрипоты и колотили в бубны...»⁵⁰

Беретти по своим наблюдениям (в середине 1920-х гг. был председателем Гижигинского уездного ревкома) описал китовый праздник береговых коряков: «Удачная охота на кита празднуется несколько дней. Берут оболочки почки, печенки, легких кита, из них делают 12 бубен, раздают их ближайшим родственникам. Начинается праздник, в течение десятка дней бьют в бубны, пугая этим грохотом убитого кита и тем предохраняя себя от мести»⁵¹. Сведения Беретти важны тем, что показывают такой повод к изготовлению серии новых бубнов, как торжества по случаю добычи кита. Среди нерелигиозных торжеств отмечены личные праздники с гонками и пиршеством: «После окончания гонки начинается празднество, бьют в бубен, едят суп из брюшины и другие лакомства, все разговоры сосредоточены исключительно на прошедшей гонке...»⁵²

В настоящее время среди западной группы коряков наблюдается общий латентный характер бытования бубнов – их в основном хранят, иногда на них «играют». Из-за такого нейтрального отношения к бывшим святыням исследователям и любителям достаточно часто удается приобретать их для музейных или личных коллекций. Полный отказ от использования бубнов происходит только под влиянием приобщения к протестантизму и связан с запретами, которые налагает на коряков эта религиозная догматика⁵³.

Заключение. Историографические сведения по корякским бубнам из-за ограниченности использованного круга артефактов оказались не вполне релевантными как обобщающие показатели. Наши данные подтверждают их заключение о типичности конструкции по таким позициям, как высота обечайки (узкая), крепление мембраны (приклеивание), наличие скоб и подвесок на них. Вместе с тем рассмотренные нами материалы показывают гораздо большую, чем отмечено в историографии, вариативность по таким параметрам, как размер бубна, материал и конструкция рукояти, скоб, привесов. Обусловлено это тем, что «жизнь» бубна в корякской культуре была сложной, связанной с возрастными и гендерными аспектами, локальной и хозяйственной спецификой. Показан циклический характер функционирования бубнов – существовали достаточно строгие правила их «ухода», которые, тем не менее, при известных условиях могли быть и нарушены.

⁴⁹ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 128. Л. 58.

⁵⁰ АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 128. Лл. 59, 59об.

⁵¹ Беретти 1929, 41.

⁵² Беретти 1929, 30.

⁵³ Хаховская 2007, 102.

Впервые зафиксировано наличие антропоморфных подвесок на корякских бубнах, связанное, как мы полагаем, с местом ребенка в сакральном мире коряков.

ЛИТЕРАТУРА

- Аятгинина, Т.Н., Куребито, М. 2006: *Коряки-кочевники: их обычаи, обряды и сказки*. Хоккайдо.
- Батъянова, Е.П., Тураев, В.А. (ред.) 2010: *Народы Северо-Востока Сибири*. М.
- Беретти, Н.Н. 1929: *На Крайнем Северо-Востоке. Записки Владивостокского отдела Государственного Русского географического общества*. Владивосток.
- Вдовин, И.С. 1973: *Очерки этнической истории коряков*. Л.
- Горбачева, В.В. 2004: *Обряды и праздники коряков*. СПб.
- Гурвич, И.С. 1980: Коряки Северо-Эвенского района Магаданской области. *Полевые исследования Института Этнографии*, 111–119.
- Иванов, С.В. 1976: Некоторые аспекты изучения сибирских бубнов. В сб.: Л.И. Боженко, В.И. Дудукалов, Л.И. Дремова (ред.), *Из истории Сибири. Западносибирский сборник* 19, 241–233.
- Левин, М.Г., Потапов, Л.П. (ред.) 1961: *Историко-этнографический атлас Сибири*. М.-Л.
- Линденау, Я.И. 1983: *Описание народов Сибири (первая половина XVIII века)*. Магадан.
- Уркачан, А. 2010: Корякский язык и культура. *Культуры и ландшафты Северо-Востока Азии*. Nordenstedt, 147–149.
- Сгибнев, А.С. 2008: Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 год. *Вопросы истории Камчатки*, 5–102.
- Флёров, В.С. (ред.) 1973: Ревкомы Северо-Востока СССР (1922–1928 гг.). *Сборник документов и материалов*. Магадан.
- Хаховская, Л.Н. 2007: Современное социально-экономическое положение аборигенов Северо-Эвенского района Магаданской области. *Вестник СВНЦ ДВО РАН* 4. 98–104.
- Хаховская, Л.Н. 2013: Загадочный сюжет из этнографии коряков (история одного микроисследования). *Этнографическое обозрение* 6, 130–139.
- Шейкин, Ю.И. 2002: *История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование*. М.
- Jochelson, W. 1905: *The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition*. Leiden–New York.

REFERENCES

- Ajatginina, T.N., Kurebito, M. 2006: *Korjaki-kochevniki: ih obychai, obrjady i skazki*. Hokkajdo.
- Bat'janova, E.P., Turaev, V.A. (red.) 2010: *Narody Severo-Vostoka Sibiri*. Moscow.
- Beretti, N.N. 1929: *Na Krajnem Severo-Vostoke. Zapiski Vladivostokskogo otdela Gosudarstvennogo Russkogo geograficheskogo obshhestva*. Vladivostok.
- Fljorov, V.S. (red.) 1973: Revkomy Severo-Vostoka SSSR (1922–1928 gg.). *Sbornik dokumentov i materialov*. Magadan.
- Gorbacheva, V.V. 2004: *Obrjady i prazdniki korjakov*. Saint-Petersburg.
- Gurvich, I.S. 1980: Korjaki Severo-Jevenskogo rajona Magadanskoj oblasti. *Polevye issledovanija Instituta Jetnografii*, 111–119.
- Nahovskaja, L.N. 2007: Sovremennoe social'no-jekonomicheskoe polozhenie aborigenov Severo-Jevenskogo rajona Magadanskoj oblasti. *Vestnik SVNC DVO RAN* 4. 98–104.
- Nahovskaja, L.N. 2013: Zagadochnyj sjuzhet iz jetnografii korjakov (istorija odnogo mikroissledovanija). *Jetnograficheskoe obozrenie* 6, 130–139.

- Ivanov, S.V. 1976: Nekotorye aspekty izucheniya sibirskih bubnov. V sb.: L.I. Bozhenko, V.I. Dudukalov, L.I. Dremova (red.), *Iz istorii Sibiri. Zapadnosibirskij sbornik* 19, 241–233.
- Jochelson, W. 1905: *The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition*. Leiden–New York.
- Levin, M.G., Potapov, L.P. (red.) 1961: *Istoriko-jetnograficheskiy atlas Sibiri*. Moscow-Leningrad.
- Lindenau, Ja.I. 1983: *Opisanie narodov Sibiri (pervaja polovina XVIII veka)*. Magadan.
- Sgibnev, A.S. 2008: Istoricheskiy ocherk glavnejshih sobytij v Kamchatke s 1650 po 1856 god. *Voprosy istorii Kamchatki*, 5–102.
- Shejkin, Ju.I. 2002: *Istorija muzykal'noj kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie*. M.
- Urkachan, A. 2010: *Korjakskiy jazyk i kul'tura. Kul'tury i landshafty Severo-Vostoka Azii*. Nordenstedt, 147–149.
- Vdovin, I.S. 1973: *Ocherki jetnicheskoj istorii korjakov*. Leningrad.

KORYAK DRUMS: EXISTENCE IN ETHNOLOCAL CULTURE

Lyudmila N. Khakhovskaya

*North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N.A. Shilo, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia,
hahovskaya@mail.ru*

Abstract. The article draws attention to the material component of the Koryak spiritual practices and to the objective world. Author uses the method of formal description of material objects, as well as an anthropological method that relates eventful history with cultural traditions of ethnocultural community. Author analyzes in detail the construction of 18 drums, which existed in the Koryak reindeer herders of Magadan Region. These artifacts show a significant variability on grounds such as the size and shape of the shell, the form and amount of staples, location and composition of the handle, a set of pendants. This variability reflects certain autonomy of the childhood world in the sacred representations of the Koryak, gender and social gradation of ethnocultural community. The first time in the historiography author discover anthropomorphic pendants on the drums, connects them with the rituals related to children. Cultural traditions Koryak prescribed cyclical nature of the functioning of drums, set the order of their production, existence and obliteration. “Rules” dealing with drums and its sacred value among the Koryak in the twentieth century have undergone strong transformation, which is why researchers and enthusiasts can purchase drums. Expressed fading Koryak shamanism, including practices rites with a drum is noted.

Key words: drums, Koryak, ethnocultural community, Magadan Region, construction, variability, anthropomorphic pendants, shamanism, rituals
